

«Тексты Кумрана». Выпуск I. Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И. Д. Амусина, М., Изд-во «Наука», 1971, 495 стр. («Памятники письменности Востока», XXXIII, 1)

За минувшее десятилетие советское кумрановедение трудами И. Д. Амусина, К. Б. Старковой, А. М. Газова-Гинзберга, М. М. Елизаровой, Н. А. Мещерского и других исследователей добилось беспрецедентных успехов: изучены различные аспекты жизни, организации и идеологии кумранской общины, опубликованы обобщающие монографические исследования, переведены некоторые кумранские рукописи. Однако до сих пор не было издано ни одного сборника кумранских текстов. Этот пробел частично восполнен первым выпуском переводов кумранских текстов, подготовленным И. Д. Амусиным.

Рецензируемое издание является вехой в нашем кумрановедении. В нем сконцентрированы уже имеющиеся достижения кумрановедения и оно открывает серию переводов кумранских текстов, что в свою очередь даст новый толчок дальнейшему изучению общины и идеологии кумранитов.

Двадцатилетний опыт издания кумранских текстов доказал целесообразность трех типов публикаций: издание отдельных рукописей, издание рукописей из одного места нахождения и издание тематических сборников, включающих рукописи одного жанра. Издания последнего типа позволяют изучать особенности данного жанра кумранских текстов и исследовать каждую отдельную рукопись в общем жанровом контексте, что способствует лучшему пониманию отдельного текста, как и всей группы в совокупности.

Рассматриваемое издание принадлежит к типу тематических сборников, ибо оно содержит, главным образом, одну группу кумранских рукописей — комментарии на библейские тексты, включающие *пешарим*, т. е. собственно комментарии, и флорилегии, т. е. антологии библейских текстов. Эта группа кумранских текстов принадлежит к числу наиболее специфических творений кумранитов и представляет собой особый жанр древнееврейской словесности¹. Именно поэтому кумранские комментарии столь важны для изучения жизни, организации и особенно идеологии кумранитов. В них отчетливо проявляется специфика мировоззрения и мышления кумранитов, а имеющиеся в комментариях зашифрованные упоминания исторических реалий очень важны для определения исторической ситуации, решения сложных проблем датировки.

¹ См. С. С. Аверинцев, Греческая «литература» и ближневосточная «словесность», сб. «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира», М., 1971, стр. 210 слл.

Первый выпуск кумранских текстов состоит из следующих основных разделов: Введение (стр. 13—130); Кумранские комментарии (стр. 131—314), включающие *пешарим*, т. е. комментарии на кн. Хаваккука (1Q рНав), кн. Наума (4Q рНав), кн. Осии (4Q рНос^{b-a}), кн. Михея (1Q рМи = 1Q 14) и Псалом 37 (4Q рPs37) и флорилегии, т. е. антологию мессианско-эсхатологических текстов (4Q Flor), Благословения патриархов (4Q РВ), Мидраш Малкицедек (11Q Melch) и Собрание цитат мессианско-эсхатологического содержания (4Q Test); Фрагменты различного содержания (стр. 315—335) в составе Книги тайн (1Q Myst = 1Q 27) и «Молитвы Набонида» (4Q Or Nab), причем к каждой рукописи дано фототипическое воспроизведение текста, предисловие, перевод и примечания; Приложение, состоящее из переводов свидетельств античных авторов о ессеях (стр. 337—391) и Addenda (стр. 392—422); Указатель источников (стр. 423—451); Библиография (стр. 453—491); Резюме на английском языке.

Даже перечень основных разделов говорит о продуманности плана и многогранности содержания рассматриваемого издания. Оно в этой плоскости явно превосходит новейшее издание кумранских рукописей — DJD, V², в котором, как справедливо отмечает И. Д. Амусин (стр. 397), его издатель Аллегро «отказался от описаний фрагментов, попыток палеографической датировки, лингвистического и историко-филологического осмысления публикуемых документов». Все эти необходимые компоненты такого типа издания палятествуют в труде И. Д. Амусина.

Сказанное, однако, не означает, что структура рецензируемого издания безупречна. Могут быть высказаны два пожелания. Во-первых, желательна транслитерация кумранских рукописей (современным квадратным шрифтом), ибо помещенные в издания фототипические воспроизведения текстов лишь в отдельных случаях, например, 1Q рНав I—XIII, 4Q рНав III—IV и др., удобочитаемы, но большинство воспроизведенных недостаточно четко для чтения. Во-вторых, помимо имеющегося указателя источников, желателен также указатель наиболее важных понятий, имен и географических обозначений, упомянутых в данных рукописях³.

² J. M. Allegro (with the collaboration of A. A. Anderson), Discoveries in the Judaean Desert of Jordan. V. Qumran Cave 4.1, Oxf., 1968.

³ Ср. «Index analytique» в кн. J. Sarrignac, E. Cothenet et H. Lig-

У читателя может возникнуть вопрос о целесообразности столь обширного введения, поскольку имеются исследования И. Д. Амусина⁴, в которых рассмотрены некоторые вопросы введения. Однако введение не повторяет сказанное в этих работах, а рассматривает те проблемы, которые раньше изложены бегло и в свете новых открытий или публикаций нуждаются в более детальном освещении. Кроме того, во введении поставлены также такие вопросы, рассмотрение которых необходимо для понимания и осмысления включенных в данное издание рукописей.

Говоря о введении, хотелось бы подробнее остановиться на трех вопросах, рассмотренных И. Д. Амусиным: 1) значение кумранских рукописей ветхозаветных произведений для научной критики Библии, 2) характеристика особенностей жанра комментариев и 3) проблема датировки кумранских рукописей. Но прежде чем обратиться к этим вопросам, следует подчеркнуть, что во введении ярко проявляется присущая многим работам И. Д. Амусина органическая слитность глубокой научности с увлекательностью изложения⁵. Яркое доказательство тому — блестящие страницы о раскопках и находках в Масаде (стр. 28—37).

Во введении И. Д. Амусин убедительно аргументирует важный для научной библеистики вывод, что «бесчисленные исправления библейского текста, предложенные библейской критикой за последние два столетия, как правило, не подтверждаются древнейшими в настоящее время библейскими рукописями из Кумрана. Это говорит о том, что дошедший до нас масоретский текст основан на хорошей рукописной традиции» (стр. 48—49). Сказанное очень важно для современной библеистики, не преодолевшей еще в полной мере практику обильных и не всегда обоснованных корректур масоретского текста. Вместе с тем И. Д. Амусин указывает на важность кумранских рукописей в усовершенствовании строго научной методики изучения библейского текста и знакомит читателя с подготавливаемым под руководством Гошена-Готштейна новым критическим изданием Ветхого завета, в котором учтены также все библейские рукописи, найденные в окрестностях Мертвого моря (стр. 52—55).

Поскольку рецензируемое издание содержит главным образом кумранские комментарии, то И. Д. Амусин уделяет большое внимание характеристике особенностей этого жанра (стр. 77—92). Автор знакомит читателя с особенностями *пеша-*

рим и заключает: «Исходной предпосылкой этого специфического жанра иудейской литературы является презумпция, что в пророческой литературе... содержатся „тайны“ (*gāzīm*), прямо и непосредственно относящиеся к истории и судьбам кумранской общины... Задача комментатора заключалась в том, чтобы в каждом стихе комментируемой книги раскрывать заключенные в них „тайны“... Для этого автор комментария переносил комментируемый текст из его объективного исторического контекста в заведомо иную историческую обстановку, современную автору» (стр. 78—79). И. Д. Амусин показывает генезис жанра *пешарим* и подробно рассматривает важный вопрос о чертах сходства и различия между кумранскими *пешарим*, с одной стороны, и символическим методом истолкования Ветхого завета у Филона Александрийского, мидрашистской традицией и новозаветными толкованиями, с другой. Автор при этом отмечает, что общим для всех этих видов толкования Ветхого завета явился «постулируемый ими всеми принцип панхронности каждого слова Священного писания» (стр. 87). Тщательный анализ специфики жанра кумранских комментариев подготавливает читателя к восприятию и пониманию этих своеобразных творений кумранитов.

Характеризуя свой подход к проблемам датировки кумранских рукописей, И. Д. Амусин приводит слова одного из героев Синклера Льюиса: «Ждать и сомневаться». Но эти слова лишь частично применимы к подходу И. Д. Амусина, ибо он «сомневается», но не «ждет», а предлагает свою тщательно аргументированную гипотезу о датировке кумранских рукописей (стр. 105—126). Не касаясь сути предложенной И. Д. Амусиным системы датировки, хочется обратить внимание на примененные автором методы исследования. По мнению И. Д. Амусина, проблема датировки может быть решена лишь при «условии восхождения от уже известного к неизвестному», т. е. от кумранских комментариев, в которых содержатся упоминания конкретных исторических фактов и личностей или намеки на исторические события, к другим кумранским текстам. Следует отметить, что само раскрытие зашифрованных упоминаний и намеков стало возможным лишь при совокупном изучении И. Д. Амусиным всех известных рукописей жанра комментариев, при учете их особенностей и специфики этого жанра. Именно этот метод исследования обеспечивает автору успех не только в решении проблем, поставленных во введении, но и в главном — переводах рукописей и примечаниях к ним.

Введение успешно выполняет свою основную функцию — оно вводит читателя в сложный и своеобразный мир творений кумранитов. Во введении встречаются,

n é e, Les Textes de Qumran. Traduits et annotés. II, P., 1963, стр. 371—398.

⁴ И. Д. Амусин, Рукописи Мертвого моря², М., 1961; он же, Находки у Мертвого моря², М., 1965.

⁵ С. Корытная, По-моему, антагонизма нет, ИЛ, 1968, 8, стр. 198.

конечно, и отдельные спорные положения, как, например, мысль о том, что Эзра в V в. до н. э. отредактировал и объединил в один сборник первые пять книг Ветхого завета, так называемое Пятикнижие (стр. 40). Во-первых, не установлено, какое ветхозаветное произведение — Второзаконие, Жреческий кодекс (P) или все Пятикнижие — Эзра читал перед собравшимися общинниками (Neh. 8, 1—8)⁶, и, во-вторых, Пятикнижие навряд ли могло быть объединено одним поколением или одним человеком⁷.

Какую научную ценность ни представляло бы собой введение, основным в изданиях переводов древних текстов является сам перевод. В этой основной части своего труда И. Д. Амусин придерживается установившейся традиции публикаций памятников древней письменности, предусматривающей наличие трех компонентов: предисловия к каждой рукописи, перевода текста и примечаний к переводу. Сохранив эту структуру, И. Д. Амусин значительно расширяет рамки и содержание первого и последнего компонента.

Во многих изданиях кумранских текстов предисловия содержат лишь формальную характеристику данной рукописи, т. е. указание места, времени и обстоятельств нахождения, описание внешних признаков документа (размера, материала, письма, почерка, сохранности и пр.), перечисление публикаций и переводов, а иногда попытки датировки рукописи и произведения. Сохранив все вышеуказанные элементы, И. Д. Амусин уделяет основное внимание характеристике рукописи по существу. В предисловиях к *пешарим*, флорилегиям и фрагментам различного содержания И. Д. Амусин характеризует комментируемые или цитируемые кумранскими авторами ветхозаветные произведения, излагает основное содержание данной рукописи, выделив наиболее характерные аспекты каждого произведения и подчеркнув его значение как источника для изучения кумранской общины и ее идеологии. Автор уделяет большое внимание раскрытию зашифрованных обозначений групп и персонажей, например, «киттим» и «Яростный лев», «Эфраим» и «Менашше» и др. Значительное место занимают вопросы датировки данного произведения, а завершаются все предисловия библиографиями, в которых перечислены издания, переводы и исследования каждой рукописи.

Такое содержание предисловий превращает их в небольшие, но цельные иссле-

дования, которые подводят читателя к самому тексту. Но иногда предисловия перегружены деталями; излишней, например, кажется информация о разночтениях имени пророка Хаваккука и этимологии этого имени (стр. 133, прим. 1), тем более, что в других предисловиях такого рода примечания отсутствуют. Мешает некоторая непоследовательность в передаче ветхозаветных имен, ибо иногда И. Д. Амусин дает приближенную к оригинальному звучанию транскрипцию и в скобках приводит традиционную (синодальную) передачу (Хаваккук — Аввакум, Нахум — Наум), а в других случаях ограничивается лишь синодальным вариантом — Осия, Михей и др.

Когда речь идет о переводе таких текстов, как кумранские, то качество перевода во многом зависит от добротности восстановления имеющихся лакун, проникновения переводчика в семантику слов, понимания им стиля данного текста и умения передавать эти стилевые особенности. Успешное решение И. Д. Амусиним этих задач обеспечивает столь большую точность и выразительность переводов, которые не только адекватно воспроизводят содержание древних документов, но позволяют также почувствовать настрой людей, творивших около двух тысяч лет тому назад.

В восстановлении многочисленных лакун, имеющихся, к сожалению, в каждой кумранской рукописи, И. Д. Амусин опирается на достижения кумрановедения. Принимая или отвергая то или иное уже предложенное восстановление, предлагая свои собственные, И. Д. Амусин руководствуется следующими методическими принципами: строжайший учет контекста и жанровых особенностей комментариев, отказ от произвольных корректур текста, предельная осторожность во всей этой трудоемкой и кропотливой исследовательской работе.

Сказанное можно подтвердить множеством примеров. И. Д. Амусин вполне обоснованно отвергает предложенное некоторыми кумрановедами исправление слова $b^{\prime}w^{\prime}w^{\prime}p$ («из-за вины» 1Q pHab IV. 8) на $b^{\prime}u^{\prime}p$ «на виду», ибо оборот $b^{\prime}w^{\prime}w^{\prime}p$ повторяется не только в 1Q pHab IX. 9, но встречается также в других кумранских текстах (стр. 171, прим. 63). И. Д. Амусин поддерживает предложенное Лихтом восстановление $g^{\prime}z^{\prime}u\ p[š^{\prime}]$ («тайн не[честия]») 1Q Myst 7) против признанного большинством исследователей восстановления $g^{\prime}z^{\prime}u\ p[l^{\prime}]$ («тайн ди[вных]»), ибо «такое чтение не только не дает удовлетворительного смысла, но и противоречит контексту» (стр. 324, прим. 12). Даже очень заманчивые восстановления не увлекают И. Д. Амусина, если они не достаточно обоснованы. Поэтому он отвергает предложенное Аллегро восстановление лакуны в 4Q pPs 37 III (= IV), 8: $š^{\prime}r\ š[lh^{\prime}]^{\prime}l\ m^{\prime}w^{\prime}r[h]\ hšd^{\prime}q^{\prime}?$ lhmytw («который

⁶ U. Kellermann, *Erwägungen zum Esrasetz*, ZAW, 80, 1968, 3, стр. 373—385.

⁷ H. N. Guthrie, *God and History in the Old Testament*, Greenidge, 1960, стр. 109—111.

по[слал к Учителю праведности?], чтобы умертвить его»), ибо «Рискованность такого большого восстановления очевидна. Может быть, основываясь на словах комментируемого стиха: wmbqš lhmytw,— следует дополнить только одно слово, предшествующее сохранившемуся, и читать: [...bqš] lhmytw [...„стремился] к тому, чтобы умертвить его“» (стр. 268, прим. 53).

Большинство предложенных И. Д. Амусиным дополнений хорошо вписываются в контекст, например, rš[‘y mnš]h (нечес[тivity Менаши]с, 4Q pNah IV, 1), [yhy wkwdw l’wlm tmyd ‘lyw yrh] ([пребудет и слава Его во]еки непрестанно на нем являться будет, 4Q Flor 1,5) и многие другие. Однако не все предложенные им восстановления столь убедительны. Восстановление лакуны bsp [...]⁰⁰ wq[y]l (11Q Melch 12) путем дополнения bsp[r hnbv] yhz]q[?] («в книге пророка Йезе[кииля]» — стр. 302, прим. 27) кажется спорным⁸, ибо предшествующее лакуне выражение «Велпал и духи его жребия» не встречается в этой ветхозаветной пророческой книге. Стоит ли также поддержать предложенное Ядином восстановление лакуны bsp[r mšh?] («в книге [Моисея?], 4Q Flor 1, 2—3), если «В опубликованных кумранских рукописях такое наименование не встречается (или не сохранилось...)» (стр. 275, прим. 6)? Интересно другое: являются ли часто встречаемые в кумранских рукописях лакуны после слова srg «книга» случайностью?

Замкнутость кумранской общины, стремление кумранитов сохранить в тайне основные положения своего учения во многом определили неясность лексики и фразеологии в кумранских рукописях. Поэтому проникновение в своеобразие семантики является важнейшей предпосылкой для добротного и адекватного перевода.

Предложенные И. Д. Амусиным толкования ключевых понятий в кумранских комментариях раскрывают смысл этих слов и содержание соответствующих предложений. В отличие от всех кумрановедов, которые в выражении b’bwv kbwdh (1Q pNah X, 11) исправляют kbwdh = kbwdw и соответственно переводят «ради его чести resp. славы», И. Д. Амусин

читает kbwdk = kb’ūda «имущество, богатство», а тогда «Контекст не только не противоречит, но скорее согласуется с таким альтернативным толкованием этого слова» (стр. 194, прим. 186, ср. стр. 185, прим. 136). В фразе ‘sr ykh bgdwlv w’nšy ‘šlw (4Q pNah 1,5) большинство исследователей понимают предлог b в слове bgdwlv как инструментальный предлог и переводят: «который бьет посредством (с помощью) своих великих и посредством людей своего совета»; И. Д. Амусин предполагает, что b в данном контексте является предлогом прямого дополнения и переводит эту фразу: «любовает своих великих и людей его (или своего?) совета», что, возможно, переключается с историческим фактом — расправой Александра Поппая с высокопоставленными лицами своего окружения (стр. 220 сл., прим. 18).

Примеры удачных толкований важных понятий легко могут быть прумножены, но встречаются отдельные спорные толкования. Термин gbum («множество, многие» — ср. 1QS VI, 8—9 и др.) явился одним из распространенных самоназваний кумранитов. Оправдано ли в таком случае предложенное И. Д. Амусиным толкование выражения [‘l gbum (1Q pNah IV, 2) как «над великими» (стр. 171, прим. 56)? Если придерживаться привычного для кумранитов понимания слова gbum, то перевод соответствующей фразы звучал бы: «... они (киттим, т. е. римляне. — И. В.) будут глумиться над множеством (т. е. кумранитами. — И. В.), презирать почтенных, над царями и правителями издеваться, насмехаться над многочисленным народом». Такое предположение не исключено, поскольку кумраниты считали римлян своими злейшими и опаснейшими врагами. Слово gbum может быть истолковано как обозначение полноправных членов общины также в 4Q pNah 111,4 (стр. 229, прим. 67).

В переводе текстов типа кумранских главное — это максимально точная передача содержания переводимого текста. Но если переводчику, помимо этой основной задачи, удастся также передать стилистические особенности оригинала, то читатель будет ему вдвойне благодарен. Каждый читатель найдет немало примеров глубокого проникновения И. Д. Амусиным в стилистические особенности кумранских творений и великодушной передачи их в русском переводе. Поэтому приведем лишь один пример — перевод 1Q Myst 8—11, где И. Д. Амусин блистательно передает звучание классического закона ветхозаветной поэзии, закона «параллелизма частей»: «Какой народ желает, чтобы его угнетал более сильный, чем он? Кто желает, чтобы его достояние было нечестиво разграблено?»

Каким точным и выразительным был бы перевод древнего текста, читатель пуждается в обширном научном аппарате, который должен объяснить наиболее слож-

⁸ В первом издании Мидраша Малкицедека (Новый эсхатологический текст из Кумрана (11 Q Melchisedek), ВДИ, 1967, № 3) И. Д. Амусин отказался от восстановления этой лакуны и лишь в примечаниях (стр. 49, прим. 27) указал на возможность данного дополнения. Следует попутно подчеркнуть, что в этой работе И. Д. Амусин впервые в изучении Малкицедек-проблемы привлек данные древнерусской апокрифической традиции (стр. 59—62).

ные и спорные места в тексте, обосновать предложенные восстановления лакун, толкования слов и проч. Поэтому разветвленный научный аппарат, обычно в форме примечаний, является непременным, необходимым атрибутом изданий кумранских текстов.

Составленные И. Д. Амусиным примечания к кумранским комментариям подразделяются по содержанию на следующие группы: 1) объяснения и обоснования предложенных восстановлений лакун, 2) объяснения и обоснования предложенных толкований слов, 3) анализ совпадений и расхождений между кумранскими ветхозаветными рукописями и масоретским текстом, 4) раскрытие зашифрованных обозначений или намеков и идентификация упомянутых исторических реалий и 5) анализ некоторых существенных явлений жизни, организации и, особенно, идеологии кумранитов. Во многих примечаниях, главным образом в принадлежащих к последним группам, И. Д. Амусин не только предлагает то или иное решение, но тщательно обосновывает его, приводит необходимую источниковедческую базу и дает историографический обзор данного вопроса. Тем самым многие примечания, например, к понятиям «Нечестивый священник» (стр. 160—161, прим. 11) и «Учитель праведности» (стр. 161—162, прим. 12), «дом Авессалома» (стр. 175—176, прим. 82), «толкователи скользкого» (стр. 218—219, прим. 7) и др. представляют собой небольшие, но цельные исследования, которые подводят читателя к пониманию сложнейших проблем кумрановедения.

Введение, предисловия, переводы и примечания составляют ядро труда И. Д. Амуфина, особенностью которого является обширное Приложение, заслуживающее по ряду причин особого рассмотрения.

Поскольку рецензируемая книга является тематическим собранием кумранских комментариев, то включение в Приложение переводов свидетельств античных авторов (Плиния Старшего, Филона Александрийского, Иосифа Флавия и Ипполита) о ессеях и терапевтах в какой-то мере нарушает цельность издания. Однако такое нарушение в данном случае оправдано, ибо целесообразно, чтобы читатель имел возможность ознакомиться со столь важными свидетельствами античных авторов о ессеях именно в первом выпуске кумранских текстов. Кроме того, переводчики — И. Д. Амусин, М. М. Елизарова и Н. А. Мецкерский — слабили свои переводы обширным научным аппаратом, представляющим большую ценность.

Дело в том, что составители примечаний не ограничились необходимыми сведениями о переводимых произведениях, их авторах, лужными корректурами текста и объяснениями отдельных понятий,

но заметно расширили рамки примечаний. Во многих примечаниях указаны расхождения или совпадения между свидетельствами различных античных авторов о ессеях, в других отмечены совпадения или расхождения между свидетельствами античных авторов и данными кумранских рукописей. Должны быть отмечены обстоятельные и интересные примечания Н. А. Мецкерского об особенностях древне-славянской версии «Иудейской войны» Иосифа Флавия и примечания к сочинению Филона Александрийского «О созерцательной жизни», в которых М. М. Елизарова отмечает черты различия и родства между терапевтами и ессеями-кумранитами.

В рецензии уже отмечались тщательность и глубина исследовательской работы И. Д. Амуфина, чувство ответственности, проявляющееся в любой части и любом элементе издания, в том числе и в Addenda. Столь обширные Addenda, появление которых обусловлено тем, что законченный в 1966 г. труд увидел свет в 1971 г., осложняет чтение. Но «нет худа без добра», ибо благодаря усилиям И. Д. Амуфина Addenda из привычного, нередко формального дополнения превращены в важное и ценное продолжение основного ядра издания.

И. Д. Амусин знакомит читателя с открытым в 1969 г. новым кумранским поселением и подробно характеризует новую большую кумранскую рукопись — «Свиток храма», которая подтверждает ранее выдвинутые гипотезы об особенностях кумранского календаря, содержит подробнейшее и совершенно оригинальное описание храма и многие другие данные, значительно обогащающие наши сведения о кумранитах. И. Д. Амусин детально информирует об опубликованных в DJD V рукописях из IV пещеры, главным образом о новых публикациях кумранских *пешарим* и флорилегий, отмечая то, что в них перекликается или дополняет переведенные им тексты. Сообщая об опубликованных в DJD V дополненных републикациях комментариев на кн. Наум и Псалмы (= 4Q pPs 37), И. Д. Амусин дает перевод этих текстов, увязывает их с переводами в основной части издания и снабжает новые дополнительные переводы обширными примечаниями.

Ничто новое в кумрановедении не ускользает от пристального взгляда исследователя, и в Addenda мы читаем подробную информацию о предиминарных публикациях текстов из IV и XI кумранской пещер, о публикациях отдельных рукописей. Но хочется обратить внимание на ту часть Addenda, которая озаглавлена «Отдельные дополнения»: она содержит не только критический разбор новейшей (после 1966 г.) кумрановедческой литературы, но также короткие, мастерски написанные обзоры о проблемах, поднятых в этих исследованиях,

например, «К вопросу о реальности переселения в Дамаск» и др.

Рассмотренный первый выпуск кумранских текстов еще не раз станет объектом обсуждений, его читатели отметят иные достоинства и, возможно, укажут на некоторые другие недостатки. Но вряд ли вызовут сомнения высокие научные качества этого издания, тщательность, глубина и многогранность исследователь-

ского труда И. Д. Амусина. Благодаря этим качествам подготовленный И. Д. Амусиным первый выпуск кумранских текстов является прекрасным началом для всей серии, последующие выпуски которой, надо думать, порадуют многочисленных читателей в не слишком отдаленное время.

И. П. Вейнберг